

Критерии успешности страны, цивилизации, человечества

Доклад

Жизнеспособность России как цивилизации

С.Г. Кара-Мурза,
доктор химических наук

Примем как **постулаты** следующее:

- Россия — одна из больших локальных цивилизаций со всеми необходимыми атрибутами.
- Цивилизации, будучи большими системами, могут или развиваться, или деградировать. Застой не может

быть длительным стационарным состоянием цивилизации.

- Понятие «*жизнеспособность*» в отношении цивилизации как продукта культуры (творчества больших и разнообразных социально и этнически организованных масс) есть **метафора**. Она предполагает состояние *нежизнеспособности*, которое ведет к *смерти* цивилизации. В реальной истории речь идет не о гибели цивилизаций, а об их глубокой *перестройке* (смене формата). С этой оговоркой и будем применять слово «*жизнеспособность*».

Доклад не ставит целью показать всю систему процессов и явлений, определяющих жизнеспособность нынешней России. Тем более невозможно предложить систему параметров, индикаторов и критериев, позволяющих адекватно оценить

состояние нашей цивилизации и динамику изменения ее жизнеспособности. В докладе предлагается *подход* к решению этих задач, если бы на них был дан социальный заказ. Этот подход поясняется общеизвестными фактами, приводимыми лишь в качестве *примеров*.

Мы говорим о жизнеспособности России как *целого*. Самой крупной целостностью будем считать *Россию как цивилизацию*. В большинстве случаев ее размеры будут совпадать у нас с размерами *страны*, но в ряде важных смыслов пространство цивилизации выходит за географические границы Российской Федерации — например, такая важнейшая система цивилизации, как *русская культура*.

Здесь мы не будем вдаваться в вечную дискуссию о том, что такое цивилизация. Напомним лишь элементарные сведения и наметим те рамки, в которых пойдет наш разговор. Под Россией как цивилизацией мы понимаем большую и устойчивую (долговременную) систему, собравшую на общей мировоззренческой и социальной матрице большое число культурных и этнических общностей вокруг общего (системообразующего) ядра — русского народа и русской культуры.

В Новое время, по мере того как складывались современная западная цивилизация («Запад») и колониальные империи, в западной общественной мысли возникло различие двух образов жизни человека — *цивилизованного* и *дикого*. В XVIII в. и вошло в обиход слово «цивилизация» (во французском языке). Цивилизацией называли общество, основанное на разуме и справедливости.

С самого возникновения понятия оно означало оппозицию «цивилизация — Природа» и «цивилизация — дикость» (иногда выражаются мягче — варварство). Считалось, что в пределах западной культуры человек живет в *цивильном*

(гражданском) обществе, а вне этих пределов — в состоянии «Природы». Представление о гражданском (цивильном) обществе возникло в т. н. натуралистической школе политической мысли, которая противопоставляла «естественное» общество (*societas naturalis*) «цивилизованному» или гражданскому (*societas civilis*)¹.

В начале XIX в., в ходе становления мировой колониальной системы (первая волна «глобализации») возникла «этно-историческая концепция цивилизаций», согласно которой у каждого народа — своя цивилизация. В ином смысле словом «цивилизация» стали обозначать стадию развития общества, следующую за дикостью и варварством. Говорят «человеческая цивилизация», понимая ее как результат прогрессивного развития человечества в целом. В романтической историографии XIX в., с ее апологией «почвы и крови», стало развиваться понятие *локальных* цивилизаций.

В трудах Данилевского, Шпенглера, Тойнби и Сорокина были предложены признаки и критерии для выделения и различения «локальных» цивилизаций. Сложился *цивилизационный подход* к взгляду на историю. Из него исходили философы и политики, даже исповедуя более абстрактные формационные подходы (это видно в трудах самого Маркса). Изучение истории, развития и актуального состояния стран в рамках цивилизационного подхода стало частью рационального, в том числе научного, *знания*.

Государственная власть вырабатывает доктрину своей политики и принимает стратегические решения исходя из *цивилизационных* представлений о своей стране. В Средние века эти представления выражались на языке религии, в Новое время были выработаны светские понятия — культура и цивилизация, нация и национальная идея, геополитика.

¹ Нам не повезло с переводом: в русский язык вошел не тот синоним, которым переводится латинское слово. Вышло так, будто речь идет об обществе *граждан* (от слова *город*). На деле же, в точном переводе «гражданское общество» — это общество *цивильное, цивилизованное*.

В XX в. было уже невозможно представить себе рациональные действия власти большой страны без того, чтобы определить ее цивилизационную принадлежность и траекторию развития. В переломные моменты именно здесь возникают главные противоречия и конфликты, доходящие до гражданских войн. В таких цивилизационных кризисах активную роль всегда играет государство, переживая при этом внутренние расколы и конфликты.

В России начала XX в. западники и славянофилы, монархисты и либералы, большевики и меньшевики, эсеры и анархисты мыслили о стране и ее будущем в понятиях цивилизации. Их программы, направленные, как казалось, на разрешение чисто социальных и политических противоречий, на деле представляли собой разные *образы будущего*, разные *цивилизационные проекты*. Результатом их сопоставлений, столкновений и синтеза стал *советский проект*.

В основном споры шли о проекте *модернизации* России, т. е. о ее развитии во взаимодействии с Западом; но уже у большевиков в картине мироустройства на арену выходят цивилизации Востока. Цивилизационное строительство СССР шло под влиянием концепции *евразийства* — учения, в котором был систематизирован и «онаучен» длительный опыт формирования и развития Российской империи как евразийской цивилизации.

Цивилизация — категория *сопоставительная*. Мы понимаем ее как систему *отличий* нашей цивилизации от иных, а схожие черты (которых, разумеется, большинство у всех культур и народов) воспринимаются как *фон*, о них практически не говорят. Сравнение «Россия–Запад» или «Франция–Англия» в цивилизационном плане ведется как *оппозиция* образов (этот подход и называется *оппозиционизмом*), а часто и как «конфликт», понимаемый в широком смысле.

В дальнейшем мы будем исходить из того, что Россия — одна из больших локальных цивилизаций со всеми необхо-

димыми атрибутами. Она, однако, переживает длительный цивилизационный (системный) кризис².

Учтем также, что застой не может быть длительным стационарным состоянием цивилизации. Признаки деградации некоторых структур цивилизации появляются раньше, чем у систем более низкого уровня сложности (например, отдельных стран). Так, уже в 1970-е гг. проявились системные признаки кризиса *индустриализма* как «матрицы» основного уклада жизнеустройства промышленно развитых стран. Тогда и возникла концепция «третьей волны» цивилизации, постиндустриализма и постмодернизма. Какой-то глубокий кризис отдельных систем конкретных стран и государств (например, политических и экономических) еще не ощущался.

Точно так же, в 1970–1980-е гг. и экономика, и военная мощь СССР были на подъеме, но мировоззренческая основа всего советского цивилизационного проекта явно погружалась в кризис. Его природу было трудно описать в терминах формационного подхода, и приходилось давать ему неадекватные объяснения вроде «краха экономики» или «отсутствия многопартийности».

Угрозы цивилизации выглядят как факторы снижения ее «жизнеспособности». В обыденное сознание вошел образ *гибели цивилизации*. Приводятся примеры таких исторических событий: гибель Древнего Египта или Рима, гибель цивилизаций майя и ацтеков уже на заре Нового времени. Иногда предсказывают и гибель России как цивилизации.

Это, думаю, надо понимать как художественные образы. В жестких, строгих понятиях эту гибель представить трудно.

² Существенная часть российской интеллигенции, следуя установкам исторического материализма с его «формационным» подходом к истории или под давлением евроцентризма, отвергает идею о том, что Россия является самобытной цивилизацией. Такие читатели могут «отфильтровать» рассуждения о «цивилизационном» измерении угроз для России, поскольку все они касаются и России как *страны*, хотя и в несколько смягченной форме.

Ее мы воспринимаем лишь много веков спустя, оглядывая историю в продолжительном временном периоде. На деле всегда имеет место постепенное смещение культур и населения, которое современниками не воспринимается как гибель цивилизации (точнее, гибель воспринимается как метафора). Древний Рим «погибал» четыре века, а затем переформатировался в Священную Римскую империю с латынью как общим языком церкви, культуры и образования, философией Аристотеля и множеством унаследованных от Рима ценностей. Византия тоже «погибала» три века, а цивилизация ацтеков и до сих пор активно «участвует» в жизни Мексики — достаточно посмотреть настенную живопись Мехико или почитать литературу.

Даже самое страшное нашествие или ядерная война не могут «уничтожить» Россию или ее народ. Но они могут настолько изменить материальные и культурные условия бытия народа России, что произойдет разрыв непрерывности в развитии сложившегося в России жизнеустройства. Это значит, что в короткое, по историческим меркам, время Россия будет так «переформатирована», что наши предки, «взглянув с небес», не смогут ее узнать — даже если бы названия городов и имена людей остались бы прежними. Гибель России — это «стирание» ее центральной мировоззренческой матрицы и ценностной шкалы. Такая катастрофа очень маловероятна, но одновременная деградация многих системообразующих для России структур делает ее в принципе возможной.

Каков эффект буквального понимания метафоры «гибель России»? Он выражается в том, что на протяжении всех 20 лет тяжелого кризиса все внимание общества направлено на конъюнктурные, злободневные проблемы и отвлечено от фундаментальных угроз. Все мы увлечены необходимостью *спасти Россию* от немедленной гибели, и нет времени задуматься о массивных медленных процессах, которые подтачивают ее основания.

Давайте взглянем на ход событий в более долгой перспективе, подумаем о подготовке оборонительных рубежей против угроз, которые еще не подошли вплотную.

По мере возможности, не будем применять аналогию цивилизации с организмом. Биологическая метафора предлагает слишком *похожий* образ, и мы невольно впадаем в гипостазирование — принимаем понятие за реальную устойчивую *сущность*. Будем использовать простую аналогию, полезную для структурирования проблемы, — *живучесть корабля*. Представим себе Россию как корабль, плывущий во времени и в многомерном пространстве бытия. Эта механическая метафора не слишком вульгаризирует проблему и в то же время не позволяет забывать, что это всего лишь метафора

Читаем определение в словаре: «*Живучесть судна* — способность судна при получении повреждений сохранять свои эксплуатационные и мореходные качества».

В чем сходство, допускающее эту аналогию? Корабль и цивилизация — сложные *конструкции*. Оба они — продукт культуры, а не «организмы», творение Природы (или божественных усилий). Они движутся во внешней среде, отграниченные от нее специально и сложно построенными барьерами, через которые осуществляется «обмен веществ, энергии и информации» со средой. Эта среда подвижна и бывает агрессивной, создавая угрозы (вызовы), чреватые гибелью. Гибелью грозят и столкновения с «гомологом» — кораблем (иногда целенаправленно вражеским) или цивилизацией. Обе системы живучи только в том случае, если они обладают:

- «корпусом» и его инфраструктурой («переборками», системами транспорта, связи и пр.);
- источником энергии и двигателем достаточной мощности;
- средствами познания окружающей реальности (навигационными инструментами, картами и лоциями, радиолокаторами и эхолотами, информационными средствами);

- средствами защиты (оружие, боеприпасы, кадры и организация);
- сплоченной и мотивированной общностью людей с необходимой структурой ролевых функций (команда, нация и т. д.);
- управляющей и организующей подсистемой, задающей цель, курс, способ действий.

Порча, деградация или поломка всех этих подсистем ведут к снижению живучести (жизнеспособности). Это снижение, приближаясь к критическому порогу, грозит «гибелью».

Конечно, есть подсистемы цивилизации, которые находятся за рамками аналогии с кораблем. Корабль живет недолго, он легко выдерживает ремонт и «пересборку» (например, замену машины, капитана и команды) без утраты его *идентичности*.

Иное дело — цивилизация. Например, жизнеспособность цивилизации как системы, существующей в «большом времени», требует ее постоянного *воспроизводства*. Оно в высшей степени зависит от «*генетического аппарата*» и механизмов *репродуктивной функции*. Если все механизмы, которые обеспечивают воспроизводство цивилизации, начинают давать сбой или повреждают ее генетические программы, цивилизация может быть переформатирована (вплоть до «гибели») за два-три поколения, т. е. за полвека — даже при удовлетворительном функционировании остальных механизмов и агрегатов.

При обсуждении проблемы жизнеспособности России придется оценивать состояние ее систем. Для оценки систем нужны показатели (индикаторы). Это измеримые параметры, надежно связанные с интересующими нас величинами, которые трудно измерить непосредственно (латентными величинами). Так, в словаре сказано о корабле: «Живучесть судна определяется его плавучестью, непотопляемостью, остойчивостью, взрыво — и пожаробезопасностью».

Все эти показатели — хорошие метафоры для нашей темы. Вот, *плавучесть*, т.е. «способность судна плавать при

заданном количестве погруженных на него грузов. Плаву-
честь судна характеризуется водоизмещением судна и запа-
сом плавучести». Россия — огромная цивилизация (велико
водоизмещение этого корабля), но для некоторых историче-
ских вызовов «запаса плавучести» ей не хватало.

Например, корабль «Российская империя» не смог вы-
нести груза «капиталистической модернизации» — балласт
сословного общества и ряда несовместимым с западным ка-
питализмом структур слишком уменьшил плавучесть. Ее за-
паса не хватило, чтобы выдержать Первую мировую войну и
революцию.

«Холодная война» оказалась избыточной нагрузкой для
СССР, выдержать ее не хватало «запаса плавучести». В прин-
ципе, была возможность его увеличить, если бы эта проблема
была понята государством и обществом. Однако «капитаны»
после смерти Сталина ошиблись в 1960–1970-е гг. в оценке
этого показателя. Они как будто забыли простую истину:
«Водонепроницаемость судна — способность наружной об-
шивки, некоторых переборок, палуб, дверей и крышек люков
судна не пропускать воду, **обеспечивая его плавучесть**».

Именно это условие и выполнял СССР, закрывая себя
«железным занавесом». Сталинизм какое-то время обеспечи-
вал «водонепроницаемость судна» при помощи «наружной
обшивки, некоторых переборок, палуб, дверей и крышек лю-
ков». Он вынужден был делать это из тех материалов и теми
средствами, которые тогда имелись в наличии.

Чтобы объявлять гласность, надо было сначала увеличить
«запас плавучести» или уменьшить нагрузку. Но главное, надо
было обеспечить «водонепроницаемость судна». Если «же-
лезный занавес» устарел и не годился для нового общества
и агентов внешней среды, следовало изготовить наружную
обшивку из иного материала. Но капитаны 1980-х гг. про-
сто пробили дыры в обшивке, палубах и люках — и утопили
корабль. Живучесть СССР как цивилизационной ипостаси
России была подорвана ошибочными (или вредительскими)

действиями капитанов и офицеров «корабля» — до того как был исчерпан запас плавучести.

Россия вынырнула после «демократической революции» в виде обрубка, уродливо переформатированная «ельцинизмом». Теперь ее жизнеспособность определяется действиями команды и теми штормами, которые могут возникнуть во внешней среде по независящим от нас причинам.

Важнейший индикатор живучести — *непотопляемость* судна. Это «способность судна после затопления части помещений оставаться на плаву и сохранять остойчивость».

Стоит заметить, что учение о непотопляемости было создано в начале XX в. С.О. Макаровым и А.Н. Крыловым. Проблема была настолько важна, что А.Н. Крылов изложил свои представления С.О. Макарову телеграммой 16 февраля 1903 г. Концепция была развита советскими учеными и представляет эвристическую ценность и для нашей проблемы.

Так, в своей телеграмме А.Н. Крылов особо подчеркивал значение *остойчивости* и формулировал принципы ее повышения, прежде всего, расположения переборок, разделяющих трюмы на отсеки. Он писал: «Водоотливная система бессильна в борьбе с пробойнами... Принцип же подразделения должен быть тот, чтобы плавучесть утрачивалась ранее остойчивости — короче, чтобы корабль тонул, не опрокидываясь».

Корабль должен тонуть, не опрокидываясь! Это важная формула. Достоинно тонуть, не справившись с непосильным вызовом, — значит равномерно исчерпать весь потенциал жизнеспособности. Во время перестройки СССР именно «перевернулся», чего почти никто не мог и ожидать, настолько большим еще был запас плавучести. Остойчивость была утрачена раньше плавучести.

Скажем об этом важном индикаторе. «Остойчивость судна — способность судна противостоять внешним силам, вызывающим его крен или дифферент, и возвращаться в первоначальное положение равновесия после прекращения их действия».

В приложении к России мы можем вспомнить большие бури — революцию 1917 г. и Великую отечественную войну. В обоих случаях корабль «Россия» продемонстрировал поразительно высокую остойчивость. В 1917 г. Российская империя легла на дно, но не опрокинулась, и была быстро поднята, «отремонтирована» и модернизирована под флагом СССР. А при Горбачеве «корабль» перевернулся.

Было бы полезно провести сравнительный анализ этих трех случаев — без давления идеологических догм и уже без гнева и пристрастия — как анализируются технические аварии и катастрофы.

Цивилизация и вызовы. Системы цивилизации, как и корабля, надо оценивать не в благополучные периоды, а в те моменты, когда они должны отвечать на *вызовы*. Живучесть корабля проверяется штормом. В этот момент и следует оценивать или даже измерять главные показатели живучести, о которых говорилось выше.

Для исторических вызовов, с которыми сталкивается цивилизация, остается полезным сравнение с кораблем. Так, в конце XX в. Россия, уже будучи ослабленной собственным кризисом, вошла в зону «шторма» — общего кризиса индустриализма. Этот шторм и сегодня треплет ее, и она несет тяжелые потери потому, что в 1990-е гг. сбросила с себя все защитные устройства — от водонепроницаемой обшивки до люков и перегородок.

А в 1941 г. на Россию (СССР), только-только вставшую на ноги после семи лет тяжелейшей войны, надвинулся даже не шторм, а *ураган* нашествия фашистской Германии, усиленной потенциалом всей континентальной Западной Европы. Сила его была колоссальна, но наш корабль выдержал — вот вам и учебный материал для оценки советских систем. Война — экзамен, очищенный от идеологии.

Важная система цивилизации — служба *распознавания и оценки вызовов*. Это «прибор ночного видения» цивилиза-

ции. Можно предложить индикатор его оценки — достоверность предвидения, интервал времени между моментом распознавания угрозы и моментом ее реализации. Например, форсированная индустриализация СССР началась (и была принята обществом) именно под девизом «осуществить за 10 лет, иначе нас сомнут». Скелетом промышленной системы сделали ВПК, а вся технологическая база, вплоть до макаронных фабрик, изначально имела «двойное назначение». На войну был рассчитан и поворот начала 1930-х гг. к «патриотическому воспитанию» — столь резкий, что он поразил эмиграцию³.

Удивительный по нынешним временам уровень предвидения был присущ и атомной программе. Вот ее график:

- записку с идеей этой программы подал В.И. Вернадский в 1910 г., на нее не обратили внимания;
- ВСНХ предложил Академии наук организовать исследования в этой области 29 марта 1918 г.;
- в начале 1922 г. заработал завод по производству радия;
- первый ускоритель элементарных частиц был пущен в 1922 г.;
- в 1938 г. в АН СССР была образована Комиссия по атомному ядру, ее планы предусматривали строительство большого ускорителя в 1941 г. и добычу 10 т урана в 1942–1943 гг.;
- первая статья о делении ядер при бомбардировке нейтронами (в Радиевом институте) была представлена в журнал «Доклады Академии наук» всего через два ме-

³ Г.П. Федотов писал в ярости: «Не так давно "Правда" посвятила передовицу славе "великого русского народа"... Бедный Маркс делается апологетом русского народа и русской государственности, жестоко им ненавидимой... Интерпретировать марксизм в таком духе, от которого сам Маркс пришел бы в бешенство... Карл Маркс выступает на защиту Александра Невского. Доселе Александр Невский, как и все содержание национальной русской истории, интерпретировались в духе марксизма. Теперь Маркс интерпретируется в национальном духе. Недурно?» [1].

сяца после публикации об открытии в 1939 г. деления ядер;

- в ноябре 1942 г. И.В. Сталин в беседе с академиками А.Ф. Иоффе и В.И. Вернадским поставил вопрос о создании атомной бомбы. Руководителем атомного проекта был назначен И.В. Курчатов. В 1943 г. для этого создано научно-исследовательское учреждение «Лаборатория измерительных приборов № 2 АН СССР».

Научно-техническая работа в этой области сопровождалась интенсивной пропагандой. В новогоднем номере «Известий» 31 декабря 1940 г. целый подвал занимала статья под названием «Уран-235». А в «Правде» № 1 за 1941 г. помещен шарж Кукрыниксов: около елки самые прославленные люди страны — Шостакович, Шолохов, Капица... и молодые физики Флеров и Петржак, которые в мае 1940 г. открыли спонтанное деление урана.

Эта непрерывная работа по *предвидению и конструированию* будущего — индикатор жизнеспособности цивилизации.

Функция предвидения, в том числе функция распознавания угроз, угасала в 1970-е гг. Так, не были правильно оценены сообщения о переносе направления ударов информационно-психологической войны против СССР с социальной сферы на этническую. Было проигнорировано обновление теоретической базы доктрины этой войны — принятие за основу теории Грамши о культурной гегемонии. Можно сказать, что речь шла о смене *парадигмы*.

Не было никакой реакции на создание в США политических технологий постмодерна, использующих новаторский опыт фашизма и «молодежных бунтов» 1960-х гг. Соответственно, СССР не смог адекватно ответить на вызов «Солидарности», которая была мотивирована именно коммунистическим фундаментализмом, но использована против СССР. Советская цивилизация утрачивала жизнеспособность.

После краха СССР положение ухудшилось. В постсоветской России после «обретения независимости» была *отключена*

чена сама функция распознавания угроз. Россия напоминает корабль, который идет в штормовом море в районе рифов со сломанным радиолокатором и прожекторами.

Антироссийским политехнологам удалось выработать методы профанации самого мировоззренческого понятия «**вызов**». Более того, удалось воспитать у населения ненависть к большим мобилизационным программам **предотвращения угроз**. Само осознание жизни народа как непрерывного ответственного дозора было вытравлено из мышления молодежи. Силами масс-культуры и СМИ в России уже в течение 20 лет ведется интенсивная кампания осмеяния самого понятия «**борьба**».

Даже в ходе нынешнего финансового кризиса, которым «нас заразила Америка», в общественном сознании не возникло вопроса, каким образом Россия (в форме СССР) почти целый век защищалась от этой заразы. Целая серия финансовых кризисов мировой экономики прошла незамеченной для советского хозяйства. А теперь сама идея активной защиты от какой-то цивилизационной угрозы выпала из интеллектуального арсенала российского общества. Это — снижение жизнеспособности еще на одну ступень.

Важным индикатором жизнеспособности цивилизации (как и страны) является выполнение функции *целеполагания*. Она также ставит цивилизацию перед вызовом — но не угроз, а *надежд*. Цивилизация задает какой-то вселенский проект, указывает цель как образ *светлого будущего*. Российская империя складывалась как православная цивилизация с мощной эсхатологией, она задавала образ *будущего*, опирающийся на справедливость и всечеловечность.

Та форма цивилизации не выдержала кризиса модернизации «по программе западного капитализма» — и была «переформатирована» революцией. В форме СССР тот же образ будущего был вновь связан идеей всечеловечности и справедливости. Поэтому Россия — и в форме империи, и в форме СССР — была глобальным оппонентом Запада в кон-

курении проектов благой жизни. И, в принципе, эта конкуренция *усиливала* жизнеспособность обеих сторон.

Заострим проблему жизнеспособности. Даже *негативное* целеполагание — мессианская идея, ведущая к гибели — служит признаком духовного подъема и жизнеспособности. Вот притча о протестантском мессианизме — «Моби Дик». Перед нами образ корабля, на котором взбунтовался капитан. Он пренебрег целью, заданной судовладельцем и принятой к исполнению командой, и повел корабль на поиски кита, олицетворявшего Зло. Нашел, вступил с ним в бой, погубил корабль и его команду. Во всем этом жизнеспособность бьет ключом.

В генезисе Российской Федерации — тоже бунт и заговор капитанов, Горбачева и Ельцина. Вопреки клятвам, которые они давали «судовладельцам», эти капитаны повели корабль ложным курсом и буквально продали его барышникам. Тут не было и капли мессианского чувства, а был циничный обман надежд и своего народа, и, в общем, — человечества.

Каково же положение сегодня?

Русская советская культура конца XX в. утратила инструменты и навыки ведения войны «образов будущего». Мы не только проиграли эту войну, но и отравили свой организм внедренными нам вырожденными образами-вирусами⁴. Без излечения мы не выберемся из той экзистенциальной ловушки, в которую угодили в 1990-е гг., но излечение идет очень медленно. Поражение этой части нашего общественного сознания является системным.

М.С. Горбачев явно следовал программе-вирусу, его целеполагание стояло на идее *разрушения* страны, которой он взялся руководить. Он постоянно подчеркивает, что *добился своей цели*⁵. Сами эти утверждения (независимо от их до-

⁴ Автором первой профанации образа будущего был Н.С. Хрущев, который поставил перед народом, победившим в великой мессианской войне, цель «догнать Америку по мясу и молоку».

⁵ Эту свою оценку перестройки М.С. Горбачев подтвердил 5 ноября 2009 г. в интервью агентству «Евроньюс».

стоверности) очень важны для нашей темы. Они — признак резкого ослабления жизнеспособности. Они говорят о *воле к смерти* — особой болезни цивилизаций. Тот факт, что нынешняя власть явно не отмежеввалась от этих *целей* и даже продолжает демонстрировать лояльность им, создает внутренний раскол, снижающий жизнеспособность цивилизации. Она разделяется на две враждебные части.

«Дом, разделившийся внутри себя самого, не устоит».

Ежедневно подтверждая свою трактовку СССР как «империи зла», государство Россия, живущее ресурсами, унаследованными от этой «империи», само уничтожает свою легитимность как цивилизации. Из опыта последних 20 лет следует, что политики променяли добытый за три века статус России как крупной локальной цивилизации (восточно-христианской или евразийской) на конъюнктурные выгоды антисоветизма. С точки зрения интересов исторической России это обмен невыгодный. Власть промотала огромное национальное достояние.

Если по аналогии с описанием всех систем корабля, которые обеспечивают его живучесть, пробежать по перечню функций и систем государства, то мы увидим, что Россия утратила большое число качеств, придающих жизнеспособность целому. Опять же для примера, можно указать на такое качество корабля, как «поворотливость». Россия стала столь неповоротливой, что этот факт следовало бы отнести к загадочным явлениям.

Достаточно сравнить скорость реакции на «повороты руля» в СССР 1930–1950-х гг. и в России после 1999 г. Так, задача «перехода на инновационный путь развития» была поставлена — и вполне искренне — В.В. Путиным почти десятилетие назад, в 2001 г., но ни одна структура России не шелохнулась и поныне. Это новое качество, видимо, служит защитой от припадков острого безумия «рулевых», но лишает маневренности, необходимой для своевременного ответа на большие вызовы.

Воспроизводство цивилизации. Воспроизводство цивилизации есть процесс *непрерывный и динамичный*. Его нельзя «пускать на самотек» ни на один момент, это бессменная вахта народа и государства.

Воспроизводство — это не сохранение чего-то данного и статичного, это развитие всех подсистем цивилизации в меняющихся условиях, но при сохранении ее культурного «генотипа», *центральной цивилизационной матрицы*.

Цивилизация есть комбинация большого числа признаков. Можно выделить устойчивое ядро этой системы, хотя подвижная и противоречивая «периферия» в конкретных ситуациях может маскировать это ядро. В ядре можно выделить признаки *sine qua non* — те, без воспроизводства которых в следующем поколении резко меняется вся система цивилизации.

Для России в начале XXI в. **воспроизводство** себя как цивилизации стало проблематичным. Актуальность этой проблеме придали два катастрофических события конца XX в.

Во-первых, СССР, в формах которого была воплощена Россия на протяжении почти всего XX в., потерпел поражение в «холодной войне» с Западом. Запад, победивший в большой цивилизационной войне, «проник» в Россию, овладел ее важнейшими невралгическими центрами и, конечно, оказывает и долго еще будет оказывать непосредственное влияние на нашу судьбу.

Россия должна «переварить» все цивилизационные яды, которые победитель будет впрыскивать в организм поверженной России; должна восполнить колоссальные изъятия ресурсов, которые приходится выплачивать как дань; должна вытерпеть все издевательства наместников и надсмотрщиков, которые будут растлевать и перевербовывать молодежь.

Во-вторых, в конце 1980-х гг. в России само государство начало реформы, которые ставили целью «возвращение в наш общий европейский дом», т. е. начало переделку жизнеустройства России по западным образцам. Эта реформа

представляет собой попытку устроить на российской земле «нечто похожее на Запад», пусть и похуже. Этот курс реформ неоднократно подтверждался как неизменный и обсуждению не подлежал. Вероятно, туземное правительство побежденной цивилизации и не может вести себя иначе, но в России оно действует, кажется, с избыточным рвением.

Так или иначе, проблема воспроизводства Россией новых поколений всех ее систем как «себе подобных» чрезвычайно осложнилась. Условием жизнеспособности цивилизации является надежная защита ее *генетического аппарата*, который выполняет свои функции только при условии его высокой устойчивости. Непрерывный мониторинг наличия в среде главных мутагенов, их удаление или нейтрализация требуют существенных затрат. Они должны быть «защищенной статьей» любого бюджета.

В данный момент положение России в этом отношении не просто неудовлетворительное, оно угрожающее. Ни государство, ни организованные силы общества не выполняют своих функций в этой сфере безопасности. В обыденном сознании эта проблема как самостоятельная вообще не фигурирует. Защита складывается стихийно, и эффективность ее низка.

Перечислим главные системы цивилизации «Россия», которые надо непрерывно *воспроизводить*.

- Народ (нация) в его количественных и качественных параметрах и в структурной полноте (т. е. следует воспроизводить весь перечень необходимых для жизни цивилизации общностей, выполняющих весь набор необходимых ролевых функций).
- Природные условия (территория, почва и недра, водные ресурсы, биогеоценозы).
- Культура во всех ее срезам, в частности:
 - универсум символов и ценностей;
 - знания, навыки и умения, системы их социодинамики;
 - искусство;

- техносфера;
- хозяйство.
- Государство.

В целом, воспроизводство всех этих систем России идет в настоящее время в *чрезвычайном*, а не штатном режиме. Мы переживаем период суженного воспроизводства, продолжаются сокращение и качественная деградация важных подсистем каждой сферы. Ресурс этих систем еще не исчерпан, но на ряде направлений мы подошли к критическим порогам. Жизнеспособность России *снижается*. После 2000 г. наблюдаются улучшения *потока* (например, годового ВВП или производства стали) при ухудшении *фондов* (базы, «запаса»).

В качестве примеров назовем следующие.

В условиях нынешней России обучение молодежи и ее цивилизационная индоктринация («передача цивилизационных кодов») идут в «мутагенной» среде — передаваемые молодежи сигналы целенаправленно искажаются и фальсифицируются. Цивилизационная *холодная война* продолжается, глупо это игнорировать. От общественных и государственных институтов зависит, чему обучают ребенка, защищены ли передаваемые ему коды от «программных вирусов», могут ли цивилизационные противники подключиться к информационным каналам и заполнить их своими сообщениями.

Совокупность цивилизационных признаков представляет собой систему, каждый главный признак — «срез» всей этой системы. Например, такой фундаментальный признак цивилизации, как господствующая в ней **антропологическая модель** («Что есть человек?»), выражается и в отношении собственности, и в организации здравоохранения, и в праве, и в обыденном поведении. Воспроизвести этот признак в новом поколении — значит обучить детей и подростков тому, как в России понимается **человек** — в отличие от Запада. И не только обучить, но достичь интериоризации этого

понимания, хотя и с новыми нюансами. В ходе этой передачи «генетической» информации и разыгрывается в России цивилизационный конфликт. Именно этот фундаментальный код стремятся заменить в последние 20 лет. Исход этого конфликта и предопределяет облик России через 20 лет.

Конструктивная роль государства в сохранении цивилизации выражается в организации и содержании систем и институтов, которые непосредственно *воспроизводят* народ в его системных качествах. К таким институтам относится, например, народное образование (школа). Так, превращение народов и народностей средневековой Европы в «буржуазные» нации современного Запада потребовало создания школы совершенно нового типа, с новой организацией учебного процесса, новым типом программ и учебников. Эта школа стала «фабрикой субъектов» — специфического человека западной цивилизации. Превращение бывшей советской школы именно в такие «фабрики» и составляет суть школьной реформы в России. Дети и подростки России в настоящий момент получают в семье, в школе и через СМИ противоречащие друг другу или даже *взаимоисключающие* установки относительно главного для цивилизации вопроса: «Что есть человек?».

Надо подчеркнуть, что резко нарушено *системное* воспроизводство народа, а общественное сознание акцентируется только на *количественных* параметрах демографических процессов. Идет деградация *структуры* народа, резкое сокращение или даже исчезновение системообразующих для современной цивилизации общностей (например, рабочего класса или научно-технической интеллигенции). В 1990-е гг. были резко прерваны программы сплочения и развития сообществ, составляющих каркас общества, не обеспечиваются персоналом необходимые для воспроизводства и поддержания цивилизации функции.

Кроме того, разрушается этническая система России, сложившаяся на сложной и специфической матрице. Прерван процесс социокультурной интеграции этнических общностей

в гражданскую нацию. Так, резко сократилось число межэтнических браков — одного из главных инструментов ослабления этнических барьеров и сборки больших наций. Идет неконтролируемое, кризисное передвижение по территории и перемешивание этнических общностей — этническая миграция, вызывающая болезненные процессы и повреждающая структуры цивилизации. Механизмы воспроизводства России в этой плоскости продолжают деградировать.

Из опыта последних 20 лет можно сделать вывод, что «новая культура», насаждаемая в России, есть средство деструкции общества и демонтажа русского народа как ядра цивилизации. Это — главный смысл «новой культуры», ее вектор. Какие-то точечные достижения и творческие удачи — это нечаянные радости или тактические уступки.

В этом срезе прогноз *тревожен*. Угроза вырождения культуры России (а значит, и распада цивилизационной матрицы) воспринимается большей частью граждан как **вполне реальная**. Никаких попыток сплотиться для ее предотвращения не наблюдается. Скорее, люди думают о способах личного спасения и выживания небольших общностей (семейств, родов, кланов). Многие в нынешней России смирились, поскольку питают иллюзию, что они лично (и их дети) попадут в число избранных и войдут в «мировую цивилизацию» (в «постчеловечество»).

Множественные структурные и ценностные мутации, которые производит нынешняя реформа в России как цивилизации, подрывают воспроизводство всех ее главных структур. Без целенаправленной защиты «генетического аппарата» и его «ремонта» Российская Федерация утратит признаки той цивилизации, которая была известна в мире как историческая **Россия**. Облик новых цивилизационных и культурных образований, которые возникнут на ее месте, пока не поддается рациональному предсказанию.

Хозяйство в цивилизации — не просто аналог двигателя и систем жизнеобеспечения корабля. Смена типа народного хо-

зяйства ведет к изменениям во *всех* составляющих цивилизации как системы, это пересборка всех ее элементов и связей.

После 1991 г. в России была провозглашена программа замены институтов и систем, которые были созданы и построены в собственной культуре, на институты и системы чужой цивилизации, по шаблонам англо-саксонской рыночной системы.

Силой, которая скрепляет Запад через хозяйство, является обмен, контракт *купли-продажи*, свободный от этических ценностей и выражаемый количественной мерой *цены*. Общей, всеобъемлющей метафорой общественной жизни становится **рынок**.

Напротив, в России акты обмена по большей части не приобретали характера свободной и эквивалентной купли-продажи, рынок регулировал лишь небольшую часть общественных отношений. Был велик вес отношений типа служения, выполнения долга, любви, заботы и принуждения. Общей, всеобъемлющей метафорой общественной жизни становится в таком обществе **семья**.

Признание или непризнание цивилизационных особенностей хозяйства России относительно рыночной экономики Запада периодически становится в России предметом острых дебатов. Давление евроцентризма на образованный слой России не раз приводило к тому, что и правящая верхушка, и оппозиционная ей интеллигенция отказывали отечественному хозяйству в самобытности и шли по пути имитации западных структур. Это, как правило, приводило к огромным издержкам или провалу реформ, к острым идейным и социальным конфликтам.

В.В. Путин сказал о 1990-х гг.: «за время длительного экономического кризиса Россия потеряла почти половину своего экономического потенциала». Это — страшный удар по жизнеспособности. Следствием стала быстрая утрата населением России признаков цивилизации в сфере хозяйства, а через него — и в других сферах.

Здесь — важный учебный материал. После сравнимых с нынешними разрушений от гитлеровского нашествия промышленность была восстановлена за два года, а хозяйство в целом — за 5 лет. В 1955 г. объем промышленного производства превзошел уровень 1945 г. почти в 6 раз, а сельского хозяйства — почти в 3 раза. Это — индикатор жизнеспособности. Сейчас промышленность только-только выходит на уровень 1990 г. (это до кризиса конца 2008 г.), а сельское хозяйство в обозримом будущем вряд ли этот уровень достигнет. Между тем, реформа длится уже 20 лет. Эту разницу надо объяснить. Ведь дело явно не в мелочах; причины фундаментальны и речь идет об историческом вызове, от которого не уклониться.

Надо коротко отметить и еще одно принципиальное цивилизационное отличие хозяйства России (и царской, и советской, и нынешней) от западного капитализма. Оно состоит в длительном изъятии Западом огромных ресурсов из колоний, что было необходимым условием для возникновения и развития современного Запада. Сделанные за счет этих средств инвестиции создали условия для рывка, благодаря которому у Запада в XX в. образовалась возможность получать с остального мира «интеллектуальную ренту» научно-технического лидера и ренту от эмиссии мировых валют (доллара, а теперь и евро). Этих источников Россия не имела и, видимо, иметь не будет. Уже поэтому имитация западной системы хозяйства не позволит России сохранить статус цивилизации.

Доминирующей тенденцией в хозяйстве являются *проедание капитальных фондов*, растрата созданных предыдущими поколениями унаследованных богатств, а также природных богатств, предназначенных для жизнеобеспечения *будущих* поколений. Такой хозяйственный порядок допустим для цивилизации только как *аварийная краткосрочная мера*, принятая с целью пережить катастрофу. Этот допустимый интервал времени мы почти исчерпали или близки к этому

порогу. Цивилизация в ее нынешних формах принимает черты *паразитической*, а значит каким-то образом будет переформатирована.

Состояние «личного состава». Цивилизация жизнеспособна, когда весь ее «личный состав» ощущает себя ее строителями и защитниками, все связаны узами ответственности и «горизонтального товарищества». Демонстративный отказ власти или сословий выполнять этот негласный договор подрывает связность народа или нации и лояльность населения.

Мотивация населения на личные усилия по *сохранению* цивилизации может упасть почти до нуля (это наблюдалось в Риме периода упадка, в Византии, в Российской империи в 1917 г. и в СССР в 1991 г.). И сейчас мы видим, как жизнеспособность нынешней России снижалась в 1990-е гг. из-за падения мотивации.

Индикатором может служить отношение к службе в армии. Еще в 1988–1989 гг. она была институтом, который пользовался очень высоким доверием граждан (70–80%). Но уже в 1993 г. от службы уклонились 80% юношей призывного возраста, укомплектованность армии и флота упала до 53%. В осенний призыв 1994 г. Сухопутные войска получили только 9% необходимого числа призывников.

Подрыв легитимности государства в какой-то мере обязан продолжающейся психологической войне против России. Но все же в большей мере утрата авторитета государством вызвана его дезертирством с многих его «постов», традиционно предписанных нормами цивилизации.

Вот вывод социологов, сделанный в 2004 г.: «В период 1993–1997 гг. все параметры гражданской идентификации теряли силу вследствие отчуждения от государственных институтов и недоверия к властным структурам. В настоящее время высокий рейтинг Президента можно рассматривать как сугубо символический, поскольку доверие гаранту Конституции и законности не сопровождается уважительным

отношением к государственным институтам власти: Думе, Правительству, органам правопорядка» [2].

Высока ли живучесть корабля с такой командой?

Государство отошло (еще не совсем, но уже слишком далеко) от выполнения своих служебных обязанностей в сфере охраны здоровья и образования народа. Динамика показателей заболеваемости населения, включая новорожденных, детей и подростков, представляет собой *страшную* картину. Она такова, что удивляться надо именно стойкости населения, его *долготерпенью* как *главному* на сегодня фактору жизнеспособности России.

Но это долготерпенье не может компенсировать утраты *квалификации*, которая необходима, чтобы нести ношу цивилизации. По данным Минобороны, до 25% призывников из сельской местности России оказываются фактически неграмотными, а в 1997 г. *полностью* неграмотным был каждый десятый призывник в Сибири. О том же говорит и уголовная статистика. По данным Отдела по предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних МВД РФ, каждый третий правонарушитель школьного возраста в 1999 г. не имел даже начального образования!

Вот удары реформы по жизнеспособности России. По совокупному «индексу человеческого развития», принятому ООН, СССР в 1970 г. занимал 20-е место в мире. В 1995 г. Россия (уже без республик Азии) находилась во второй сотне государств — в бедной части стран «третьего мира». Возникновение в начале XXI в. значительного контингента подростков и юношей, лишенных школы, означает появление в России совершенно нового, неведомого нам социокультурного типа. Он уже не может вернуться к культуре общинного крестьянина, он заполняет *цивилизацию трущоб*, особую экстерриториальную цивилизацию капитализма, экзистенциально враждебную любой *локальной* цивилизации.

Теперь кратко выскажу гипотезу, подсказанную последним эпизодом кризиса («финансовым», которым нас «за-

разили»). Это обострение кризиса побудило поднять следующие вопросы: на кого Россия может опереться в трудный период? Кто определяет нынче ее жизнеспособность? Какая общность станет локомотивом, который вытащит Россию из кризиса? На кого делает ставку государство? Оказывается, на *средний класс*. Он представляется ядром общества и социальной базой власти. В прессе даже заговорили, что средний класс завоевал социальную гегемонию и политическую власть.

Называть, как это сделал В.Ю. Сурков, период 2000–2008 гг. *эпохой среднего класса* — гротеск. «Гегемон» не только не определен внятными признаками, он воспринимается как явление преходящее и нежизнеспособное, артефакт смутного времени, заслуживающий легкого сострадания. Куда он может повести расколотовое общество? Кого он может сплотить для творческого усилия?

Чтобы оценить символический эффект образа этого среднего класса, представим себе, что в Москве открыт монумент, олицетворяющий этот образ. Каким может быть этот памятник? Монумент «Челноки»? Поставим его в один ряд с уже известными монументами, символизирующими советский культурный тип. Это — фигура «Рабочий и колхозница», памятник «Воину-освободителю» в Трептов-парке... Такое сравнение для «среднего класса» убийственно, речь идет о несоизмеримых по потенциалу и консолидирующей силе социальных общностях.

В ходе обсуждения роли среднего класса телеведущий Владимир Соловьев подчеркнул, что это — «класс потребителей, а значит, именно он является двигателем всего, что происходит в стране». Класс потребителей! И на него возлагается миссия спасения страны.

Ясно, что сам *классовый* подход не отвечает типу угроз для России. Преодоление нашего кризиса возможно лишь в рамках цивилизационного проекта. Кто же автор и носитель такого проекта? Надклассовая и надэтническая абстрактная

общность, которую Н.Я. Данилевский назвал «*культурно-исторический тип*» [3].

Данилевский предложил признаки для различения «локальных» цивилизаций, носителем главных черт которых и является культурно-исторический тип. Цивилизация представляется как воображаемый великан, «*обобщенный индивид*». Данилевский видел в этом типе очень устойчивую, наследуемую из поколения в поколение *сущность* — народ, воплощенный в обобщенном индивиде. Он считал невозможной передачу главных принципов («смыслов») цивилизации одного культурно-исторического типа другому. Заимствование вершущих структур культуры одной цивилизации от другой происходят, по выражению Данилевского, в форме трех видов — «колонизации», «прививки» и «удобрения».

Колонизация — механический перенос структуры с одной культурной почвы на другую («пересадка с одного места на другое посредством цивилизации»). Метафора *прививки* трактуется негативно: «прививка не приносит пользы тому, к чему прививается», дичок становится *средством* для черенка (как это было, по мнению Данилевского, в реформах Петра). «Удобрение» оценивается положительно: это «способ воздействия цивилизации на цивилизацию», действие которого схоже с «влиянием почвенного удобрения на растительный организм», или «влиянию улучшенного питания на организм животный». Но главное для нас в этой концепции заключается в том, что во всех случаях воздействие извне осуществляется через один и тот же культурно-исторический тип. Другого «великана» (хотя бы и маленького) в данный исторический период в конкретной цивилизации не существует.

Это представление об устойчивости культурно-исторических типов развил О. Шпенглер. В книге «Закат Европы» (т. 2, раздел «Исторические псевдоморфозы») он дал метафорическую концепцию неудачных цивилизационных контактов России с Западом как «модернизации». О. Шпенглер применил термин «псевдоморфозы», взятый из минералогии.

Так называют явление вымывания кристаллов минерала, включенных в скальную породу, а затем — заполнения этой пустой формы раствором другого минерала. Он кристаллизуется в «чужой» форме, так что его «внутренняя структура противоречит внешнему строению». Такими были, по мнению Шпенглера, реформы Петра Великого, которые загнали нарождающуюся русскую культуру в формы старой, развитой культуры Запада.

Шпенглер пишет: «Историческими псевдоморфозами я называю случаи, когда чужая древняя культура тяготеет над краем с такой силой, что культура юная, для которой край этот — ее родной, не в состоянии задышать полной грудью и не только что не доходит до складывания чистых, собственных форм, но не достигает даже полного развития своего самосознания. Все, что поднимается из глубин этой ранней душевности, изливается в пустую форму чуждой жизни; отдавшись старческим трудам, чьи чувства костенеют, так что где им распрямиться во весь рост собственной созидательной мощи? Колоссальных размеров достигает лишь ненависть к явившейся издалека силе ...

Псевдоморфоз у всех нас сегодня на виду: петровская Русь... Примитивный московский царизм — это единственная форма, которая в пору русскости еще и сегодня, однако в Петербурге он был фальсифицирован в династическую форму Западной Европы. ... Народ, назначением которого было — в течение поколений жить вне истории, был искусственно принужден к неподлинной истории, дух которой для исконной русской сущности был просто-напросто непонятен. В лишенной городов стране с ее старинным крестьянством распространялись, как опухоли, города чужого стиля. Они были фальшивыми, неестественными, неправдоподобными до глубины своей сути» [4].

В свое время эта концепция подверглась критике русскими философами, а сегодня вновь стала популярной, хотя вся эта конструкция опирается всего лишь на метафору. О лю-

бой известной истории цивилизации можно сказать, что она — псевдоморфоз (античная цивилизация Греции взяла многие формы не только у Египта, но и у черной Африки — и что из этого?).

Эти представления господствуют сегодня в России и у идеологов реформы, и у ее противников. Первые опираются на концепцию «России-как-Европы» и объясняют неудачи реформ ненужным стремлением искать какие-то «свои» подходы и формы (*особый путь*) вместо точного копирования западных структур. Вторые прямо исходят из модели Данилевского — Шпенглера. Но в главном эти крайности сходятся.

История XX в. заставляет отказаться от концепции Данилевского — Шпенглера. И русская революция, и перестройка конца XX в. с последующей реформой показали, что в действительности цивилизация является ареной конкуренции (или борьбы, даже вплоть до гражданской войны) *нескольких* культурно-исторических типов, предлагающих разные цивилизационные проекты. Один из этих типов (в коалиции с союзниками) становится доминирующим в конкретный период и «представляет» цивилизацию⁶.

Реформы Петра, несмотря на все нанесенные ими России травмы, не были псевдоморфозами, они опирались на волю культурно-исторического типа, сложившегося в лоне российской цивилизации и начинавшего доминировать на общественной сцене. Модернизация и развитие капитализма во второй половине XIX в. вызвали кризис этого культурно-исторического типа и усиление другого, вырастающего на матрице современных буржуазно-либеральных ценностей.

⁶ Еще раньше Данилевского, в 1857–1859 гг., И.С. Тургенев изложил исключительно прозорливое и важное свое исследование — статью «Дон-Кихот и Гамлет» [5]. Он предложил концепцию западной цивилизации как сосуществование двух культурно-исторических типов. Дон-Кихот представлял старую католическую Европу, а Гамлет — нарождающееся протестантское, научно-рациональное мировоззрение (позже этот, уже зрелый, культурно-исторический тип был дан в образе Фауста). Но в XIX в. этот смысл статьи Тургенева не был воспринят.

Это было новое поколение российских западников, но вовсе не клон западных либералов (о «самобытности» российских либералов начала XX в. писал М. Вебер).

На короткое время именно этот культурно-исторический тип возглавил общественные процессы в России и даже осуществил бескровную Февральскую революцию 1917 г. Но он был сметен гораздо более мощной волной *советской* революции. Движущей силой ее был культурно-исторический тип, который стал складываться задолго до 1917 г., но оформился и получил имя уже как «советский человек» после Гражданской войны. Все цивилизационные проекты для России были тогда «выложены» в самой наглядной форме, культурно-исторические типы, которые их защищали, были всем известны и четко различимы, все они были порождением России.

Что из этой истории важно для осмысления нашего нынешнего кризиса? Прежде всего, важно понять структуру актуального российского общества под этим углом зрения. Как раскололось успокоенное «застоем» общество, по каким линиям экзистенциальных противоречий? Кто противостоял реформам при внешней апатии и полном конформизме населения? Тут требуется деидеологизированный, «инженерный» анализ⁷.

Трудный XX в. Россия прошла, ведомая культурно-историческим типом, получившим имя «советский человек» (в среде его конкурентов бытует негативный, но выразительный термин *homo sovieticus*). Советские школа, армия, культура помогли придать этому культурно-историческому типу

⁷ Не видя этих главных расколов, нельзя построить верную социокультурную карту российского общества. Поэтому все попытки собрать общности на новых, «постсоветских» матрицах заканчиваются неудачами. Поразительно безуспешными были множество попыток партийного строительства, проект создания массовой молодежной организации, создания общности «фермеров», новой общности солдат-«контрактников», нового научного сообщества. Фундаментальные причины этих трудностей не были выявлены, хотя принципиальных методологических препятствий для такого исследования не было.

ряд исключительных качеств. В критических для страны ситуациях именно эти качества позволили СССР компенсировать экономическое и технологическое отставание от Запада⁸.

Общности, которые являлись конкурентами или антагонистами советского человека, после Гражданской войны были «нейтрализованы», подавлены или оттеснены в тень — последовательно, одна за другой. Они, однако, пережили трудные времена и вышли на арену, когда советский тип стал снижать и переживать кризис идентичности (в ходе послевоенной модернизации и урбанизации). Среди этих набирающих силу общностей вперед вырвался культурно-исторический тип, проявивший наибольшую способность к адаптации. Его можно назвать, с рядом оговорок, *мещанством*.

К 1970-м гг. мещанство сумело добиться культурной гегемонии над большинством городского населения и эффективно использовало навязанные массовой культуре формы для внедрения своей идеологии. Советский тип вдруг столкнулся со сплоченным и влиятельным «малым народом», который ненавидел все советское жизнеустройство и особенно тех, кто его строил, тянул лямку. Никакой духовной обороны против них государство уже и не пыталось выстроить.

Видные западные советологи еще в 1950-е гг. разглядели в мировоззрении мещанства свой главный плацдарм в холодной войне. Крупный философ И. Бохенский, считал, что рост мещанства станет механизмом перерождения советского человека в обывателя, поглощенного стяжательством. Как и любой общественный процесс, этот сдвиг мог быть перепрофилирован в направлении, не подрывающем главный вектор развития. Но этого не было сделано [6].

Суть философии мещанства — «самодержавие собственности». Но этот идеал собственности, в отличие от Запада, не

⁸ Измеряемый ООН индекс развития человеческого потенциала в СССР в 1987 г. составлял 0,920, а в США — 0,961. Учитывая, что по объему ВВП на душу населения СССР занимал 30-е место, а США — 2-е, можно оценить вклад образования в развитие личности.

стал буржуазным и не был одухотворен протестантской этикой. Буржуа был творческим и революционным культурно-историческим типом. Мещанин — это антипод творчества, прогресса и высокой культуры. Ему противно любое активное действие, движимое идеалами. Герцен отмечал, что мещанство не столько максимизирует выгоду, сколько стремится «понизить личности». Это — духовный вектор.

Антисоветский проект сделал ставку на активизацию мещанства как самого массового культурно-исторического типа, который был оттеснен на обочину в советский период. В отличие от тончайшего богатого меньшинства дореволюционной России (аристократов, помещиков, купцов и фабрикантов), мещанство пронизывало всю толщу городского населения и жило одной с ним жизнью.

Доведенные до крайности установки мещанства были художественно собраны в образе Смердякова. В разных формах культурный тип мещанства представлен в русской литературе очень широко, стал на переломе веков едва ли не самым главным образом. Достоевский и Толстой, Чехов и Горький, Маяковский и Платонов — все оставили художественную летопись эволюции русского мещанства.

Революцию мещанство «пересидело»⁹. Составляя значительную часть мало-мальски образованного населения, мещанство быстро овладело знаками советской лояльности и стало заполнять средние уровни хозяйственного и государственного аппарата. Социальный лифт первого советского периода поднял статус мещанства, и уже тогда возникли ниши, где негласно стали господствовать его ценности.

Война сильно выбила творческую, активную часть общества. Мещанство, напротив, окрепло, обросло связями и защитными средствами — и стало повышать голос. Агрес-

⁹ Надо сказать, что мещанство было врагом обеих столкнувшихся в Гражданской войне сторон, которые представляли разные революционные проекты. В мировоззренческом конфликте с мещанством в 1920-е гг. красные и белые ветераны были по одну сторону баррикад.

сивная аполитичность мещанства, демонстративный отказ от участия в любом общественном деле были действительно важным фактором социальной атмосферы — целостной позицией, которая стала подавлять позицию гражданскую.

То, как происходила утрата культурной гегемонии советским типом — важный урок истории и актуальная для России проблема обществоведения. Здесь мы ее не касаемся — только один штрих. Этот процесс можно проследить по динамике *когнитивной активности* рабочих. В 1922 г. продолжительность рабочего времени в СССР сократилась, по сравнению с 1913 г., на 537 часов. Люди их использовали, первым делом, на самообразование. Затраты времени на самообразование с 1923 г. по 1930 г. выросли с 12,4 до 15,1 часа в неделю. С середины 1960-х гг. начался резкий откат. Так, среди работающих мужчин г. Пскова в 1965 г. 26% занимались повышением уровня своего образования, тратя на это в среднем 5 часов в неделю (14,9%) своего свободного времени. В 1986 г. таковых осталось 5%, и тратили они в среднем 0,7 часа в неделю (2,1%) свободного времени. К 1997–1998 г. таковых осталось уже 2,3% [7].

В общем, советский культурно-исторический тип сник в 1970–1980-е гг., а потом был загнан в катакомбы. Господствующие позиции заняло мещанство, в том числе криминализованное¹⁰. Эта смена культурно-исторического типа и предопределила резкую утрату жизнеспособности России как цивилизации. Та культурная общность, которая стала господствовать в России, не обладает творческим потенциалом и системой ценностей, которые необходимы, чтобы «держат» страну, а тем более сплотить общество для модернизации и развития.

¹⁰ А.С. Панарин считал, что, может быть, главной чертой сознания мещанства является его стремление к нарушению легальных норм поведения. Преступившая личность отличается от законопослушной личности с таким типом сознания не структурой своих потребностей и мотиваций, а лишь специфической неконформистской решительностью.

В ближайшие 10–15 лет Россия окажется перед лицом угроз, которые лишь зародились в ходе реформ, и в зрелой форме реализуются уже тогда, когда сойдет с арены поколение советских людей с их знанием, навыками и ценностями. Эти угрозы должны будут преодолевать люди нового, существенно иного культурно-исторического типа, и предвидение этой ситуации становится важной задачей.

Советский тип был загнан в катакомбы, но не исчез. Он — молчаливое большинство, хотя и пережившее культурную травму. Сейчас неважно, какое духовное убежище соорудил себе каждый из людей этого типа — стал ли он монархистом, ушел ли в религию или уповает на нового Сталина. В нынешнем рассыпанном обществе именно эти люди являются единственной общностью, которая обладает способностью к организации, проявлению больших трудовых и творческих усилий. Именно они могут быть собраны на обновленной матрице, ибо сохранилось культурное ядро этой общности, несущее ценности и смыслы российской цивилизации, ценности труда, творчества и солидарности.

«Сборка» дееспособных социокультурных общностей и организация диалога между ними — актуальный вопрос национальной повестки дня России. В этот раз достичь в полной мере цивилизационного переформатирования России, скорее всего, не удастся. Способность к регенерации поврежденных структур у России очень велика. Цивилизация такого масштаба и с таким разнообразием элементов и связей, как Россия, представляет собой слишком большую и сложную систему, на ее слом у реформаторов не хватит ни экономических, ни культурных ресурсов. Хотя, очевидно, изуродуют сильно.

Задача в том, чтобы свести к минимуму травмы и мутации несущих цивилизационных конструкций России или, в облегченном варианте, не допустить, чтобы травмы и уродства превзошли некоторый критический порог. Мы от него уже недалеко.

Литература

1. Федотов Г.П. Россия и свобода // Г.П. Федотов. Империя и свобода. Нью-Йорк, 1989. С. 78–79 // <<http://magazines.russ.ru/october/1997/5/levin.html>>.

2. Данилова Е.Н., Ядов В.А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ. «СОЦИС». 2004, № 10.

3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга. 1991.

4. Шпенглер О. Закат Европы. // Самосознание европейской культуры XX века. Т. 2. М.: ИПЛ, 1991. С. 30.

5. Шорохов А. Тургенев: Русский ответ откладывается... (Культурно-исторические типы Запада и Россия) // <<http://www.pereplet.ru/shorohov/50.html>>.

6. Новиков А.И. Мещанство и мещане. Л.: Лениздат. 1983.

7. Патрушев В. Жизнь горожанина (1965–1998). М.: Academia, 2001.